

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1976

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1978

Г. З. Анчабадзе

ЭВЛИЯ ЧЕЛЕБИ О ЗАКУБАНСКИХ НОГАЙЦАХ

Выдающийся турецкий путешественник Эвлия Челеби (1611 — ок. 1680) занимает особое место среди других турецких историков и путешественников XVII в. Его десяти томное сочинение «Сеяхат-наме» («Книга путешествия») является интересным источником для изучения социально-экономической, политической и культурной жизни многих стран.

Эвлия Челеби родился в Стамбуле в семье главного придворного ювелира (куюмджубаши) Мехмеда Зилли и получил хорошее для своего времени образование. Путешествовать Эвлия начал в 1640 г. и, находясь на государственной службе, провел в странствиях почти 40 лет. Участвовал он в походах полководцев и крымских ханов, был членом посольств и чиновником для особых поручений, ездил по мусульманским святым местам и таким образом объехал почти всю Османскую империю, страны Восточной и Центральной Европы, Кавказ, Ближний Восток и Северо-Восточную Африку.

Во время своих путешествий Эвлия Челеби, отличаясь большой наблюдательностью, вел дневники, куда заносил все интересное, с его точки зрения. Эти дневники составили главную и важнейшую часть его сочинения. Кроме того, Эвлия Челеби широко пользовался историческими и географическими трудами других авторов, документальными, эпиграфическими, нумизматическими и фольклорными материалами. Он сообщает огромное количество сведений о жизни виденных им стран и народов, и в том числе народов нашей страны.

Как известно, в середине XVII в. значительную часть обширных степей, протянувшихся от устья Дуная до Каспийского моря, населяли многочисленные кочевые племена ногайцев. Естественно, что Эвлия Челеби, который несколько раз побывал здесь и обстоятельно описал эти края, сообщает о них много интересных сведений, тем более что в то время ногайские улусы представляли значительную военную силу и принимали

активное участие в политической жизни России, Украины, Крыма и Северного Кавказа.

В рамках одной небольшой статьи, разумеется, невозможно рассмотреть весь обширный материал о разных ногайских племенах, который содержится в «Сеяхат-наме». Ограничимся лишь разбором сведений Эвлия Челеби о ногайцах Северо-Западного Кавказа, у которых он побывал дважды. В первый раз весной 1666 г., когда Эвлия сопровождал крымского хана Мехмеда Гирея IV (в 1641—1644 и 1654—1666 гг.), прошел вместе с ним весь Северный Кавказ от Черного до Каспийского моря, а во второй раз — зимой 1666/67 г., когда он пробирался из Азова в Крым через земли Северо-Западного Кавказа. Описания этих путешествий Эвлия Челеби содержатся в томах 7 и 8 его сочинения.

В первой половине XVII в. ногайцы населяли большую часть северокавказских степей, однако продвижение с востока многочисленных и воинственных калмыков заставило многие ногайские племена бросить свои земли и переместиться в предгорные районы Северного Кавказа. Эвлия Челеби так описывает это событие: «В 1045 г. (1642 г.), когда мы захватили Азовскую крепость, на реке Алты-су (у восточного побережья Азовского моря.— Г. А.) жили и кочевали Улу-ногай, Гечи-ногай, Урумит-ногай, Сандак-ногай, Яман-садак-ногай, Деви-эли, Новруз-эли, Чобан-эли, Арсланбек-эли и [еще] несколько десятков других ногайских родов и племен... Но затем из-за страха перед калмыками [бежали] за реку Кубань и в Хейхатскую степь больше не выходят»¹.

По словам Эвлия Челеби, пришедшие на Кубань ногайцы «побратались» с черкесскими племенами и расселились по их земле. Например, на территории черкесов-шефаке, в окрестностях Анапы, обосновалось многочисленное ногайское племя Чобан-эли. Оно насчитывало 10 тыс. кибиток и могло выставить 20 тыс. вооруженных всадников².

На левом берегу нижнего течения Кубани, среди племени хэтукайцев, поселились новрузские ногайцы. Это храброе племя состояло из 6 тыс. кибиток и имело 10 тыс. конных воинов³.

Ногайцы племени Деви-эли, как сообщает турецкий путешественник, одно время были подданными русских царей, но после появления калмыков бежали и расселились на землях западноадыгских племен — темиргоевцев и адемиевцев. Они могли выставить 8 тыс. воинов⁴ (в т. 8 «Сеяхат-наме» говорится — 5 тыс.⁵).

Выходцами из Русского государства, по сведениям Эвлия, были и арсланбековские ногайцы. Это племя вначале кочевало за Волгой, но затем переправилось на ее правобережье и после ряда столкновений с калмыками было оттеснено в районы Пред-

кавказья, где ногайцы обратились за помощью к кабардинцам. Кабардинские князья, вступив в союз с арсланбековцами, поселили их (12 тыс. воинов с семьями) в долине Б. Зеленчука⁶.

Главным занятием ногайцев в данный период было скотоводство. Европейские авторы XVI—XVII вв. характеризуют их как кочевых скотоводов, совершенно не знавших хлебопашества. Например, английский путешественник Дженкинсон, посетивший ногайцев в 1558 г., писал, что они «скотоводы и имеют большое количество скота, который составляет главное их богатство... Разводят преимущественно лошадей. Едят конину, пьют кобылье молоко. Они ничего не сеют и не жнут»⁷.

По словам итальянского автора XVII в. Джовани Лукка, «[ногайцы] народ кочевой. Их равнины представляют обширные, хорошие пастбища. Очень много водится у них скота»⁸. Аналогичные сведения о ногайцах сообщаются и в других источниках (Какаш и Текандер, Тавернье, Олеарий, русские источники и др.).

Скотоводство занимало ведущую роль и в экономике закубанских ногайцев. Однако, по сведениям Эвлия Челеби, они уже не являлись чистыми кочевниками, а вели полуседлый образ жизни, сочетая со скотоводством земледелие, хотя скотоводство продолжало занимать ведущую роль в их хозяйстве. Большую часть времени ногайцы проводили среди «гор, долин, овец и... скота»⁹ и лишь зимой возвращались к своим поселениям. Эвлия пишет, что закубанские ногайцы владели большим количеством коров, буйволов, коней, овец, верблюдов и другого скота. Многочисленностью своих стад особенно выделялись племена Деви-эли и Чобан-эли. Эвлия отмечает, что ни одно татарское племя не имело столько скота, сколько имели они¹⁰.

Большое значение придавалось коневодству. Ведь ногайцы, подобно другим номадам, были народом наездников и их войско состояло главным образом из конницы. Кроме того, ногайцы конское мясо употребляли в пищу, а кумыс был их любимым напитком. Среди соседних народов ногайские лошади пользовались большим спросом. Например, известно, что в XVI в. только в Москве ежегодно продавалось до 50 тыс. лошадей ногайской породы¹¹. Коней ногайцы, как правило, не впрягали в повозки. В качестве тягловой силы они больше использовали верблюдов и быков¹². Верблюды у них, по сообщению Эвлия, были в основном двугорбые. Это подтверждает и Олеарий¹³.

Как было уже отмечено, закубанские ногайцы во второй половине XVII в. вели полуседлый образ жизни. Феодальная знать (беи и мирзы) имела крепости и каменные дома. Вокруг крепостей были раскинуты посевные поля¹⁴. Сеяли пшеницу и просо¹⁵; ногайцы, поселившиеся в Черкесии, все более и более переходили к земледелию и оседлости.

В источниках XVII в. почти нет никаких данных о развитии ремесла у ногайских племен. «Сеяхат-наме» также не сообщает ничего нового по этому вопросу. Оно и понятно: пастушеская жизнь ногайцев не способствовала широкому развитию ремесла. Большую часть необходимых им предметов ногайцы получали от соседних народов в обмен на скот и продукты скотоводства. Что же касается домашнего производства, то оно, конечно, существовало и включало в основном обработку кожи, шитье одежды, обуви, изготовление конского снаряжения и других бытовых предметов.

Главным торговым партнером ногайцев было Русское государство, но северокавказские ногайцы, разумеется, были тесно связаны и с местными горцами, причем не только торговали с ними, но и пользовались для торговых целей их территорией, в частности черноморскими гаванями. Например, Эвлия Челеби пишет, что, когда в Анапу приходили иностранные купеческие суда, представители многих абхазских, черкесских и ногайских племен выходили им навстречу и выносили для обмена масло, мед и другие продукты¹⁶. К сожалению, турецкий путешественник ничего не пишет о том, что брали взамен у купцов ногайцы, но для уточнения этого вопроса вспомним описание сочинской гавани. Эвлия подробно перечисляет товары, доставлявшиеся иностранными судами (оружие, изделия из железа, ткани, одежда, соль и др.)¹⁷. Вероятно, и в Анапу поступал такой же товар.

«Сеяхат-наме» содержит также определенные сведения о социально-политическом строе закубанских ногайцев. Эвлия Челеби упоминает крупных феодалов, возглавлявших отдельные племена. Он их называет беями и мирзами (Чобан-мирза, Арслан-бей, Новруз-мирза). По имени владельца часто именовалось и все племя. Вассалы крупных феодалов также именовались мирзами¹⁸. Ногайская знать владела большим количеством пленных, которых покупали или захватывали в грабительских набегах¹⁹.

Несмотря на то что после переселения в Черкесию ногайцы постепенно стали переходить к оседлости, элементы кочевничества сохранялись у них еще долго. Например, во время путешествия Эвлия Челеби каменные дома имелись, как уже отмечалось, только у знати, а простой народ по-прежнему проводил круглый год в кочевых юртах (кибитках), которые Эвлия описывает следующим образом: «[Ногайские] шатры сделаны, как и туркменские, из войлока, внутри напоминают клетки. Их прикрепляют ремнями к деревянному [остову]... и связанному таким образом клетку быстро можно поставить на землю. Шатры эти сделаны очень искусно. В верхней части у них имеется отверстие, через которое входит свет, а зимой выходит дым от очага.

Во время переезда с места на место эти шатры ставятся на верблюжьи арбы, на которых и возвышаются как купола»²⁰.

Это сообщение, приведенное в «Сеяхат-наме», довольно точно совпадает с описаниями ногайской кибитки в записях Дженкинсона, Д'Асколи, Дж. Лукка, Олеария, Тавернье и других авторов XVI—XVII вв. Для примера можно привести сообщение Олеария: ногайцы «живут в избах, которые круглы... сплетены из тростника или камыша и похожи на корзины... сверху они покрыты войлоком, в середине которого оставлено отверстие для дыма... Летом у них нет постоянного местопребывания в каком-либо месте; они меняют и перемещают свое местопребывание всякий раз, как им приходится искать для скота свежих и хороших пастбищ. Тогда они ставят свои избы на высокие телеги, которые всегда стоят возле них, и перекочевывают с женщинами, детьми и домашним скарбом»²¹.

Как сообщает Эвлия Челеби, если закубанские ногайцы теплые месяцы года по-прежнему проводили среди «гор и долин», то зимой они жили уже в постоянных поселениях, которые представляли собой резиденции ногайских князей и были хорошо укреплены.

Дж. Лукка, описывая поселения северокавказских ногайцев, отмечал, что они «обносят свое становище тыном, боясь, чтобы стада не подвергались какому-либо несчастью, не было хищений дикими зверями или черкесами, а также перекопскими татарами»²².

Эвлия Челеби называет такие поселения «крепостями». В «Сеяхат-наме» есть описания крепостей племен Чобан-эли (Кале-и Чобан, Шангери)²³, новрузцев (Новруз-керман, Акупс-керман)²⁴ и арсланбековцев (Керман-Арсланбек, Шад-керман)²⁵. Согласно описаниям турецкого путешественника, все эти крепости были в целом однотипными. По углам они имели деревянные башни, связанные между собой деревянными же стенами или прочным частоколом. На башнях иногда устанавливались небольшие пушки. Кроме того, крепости опоясывались наполненными водой рвами, через которые были проложены понтонные мосты. В этих укреплениях стояли прочные, крытые тростником каменные дома знати и иногда небольшие мечети. Простой народ, пришедший на зимовку, проживал в своих кибитках.

В ногайских укреплениях не было ни бань, ни торговых рядов и лавок, ни постоянных дворов²⁶.

В сочинении Эвлии Челеби встречается также описание физического облика ногайцев (подчеркиваются черты монголоидности в их антропологическом типе) и их одежды. Верхнюю одежду ногайцы шили из овчины. Голову покрывали колпаками из лисьего или барашкового меха. Мужская одежда была преимущественно

шественно красного или белого цвета. Ногайские женщины носили бараньи шубы и шелковые халаты, обувались в желтые сапожки²⁷.

В «Сеяхат-наме» описывается также и вооружение ногайцев. Оно состояло только из сабли, лука, стрел и плети. Причем женщины так же садились на коней, как и мужчины, и вешали на пояс сабли и колчаны²⁸.

Эвлия Челеби, конечно, не совсем прав, когда пишет, что у ногайцев не было иного оружия, кроме сабли и лука. Из источников XVII в. известно, в частности, что ногайцы получали от русских пищали, порох, шлемы, панцири. Но привозного оружия было сравнительно мало, и оно попадало главным образом в руки знати, простые же воины обычно не имели иного оружия, кроме сабли и лука со стрелами.

Важность сведений Эвлия Челеби о ногайцах еще более возрастает в связи с тем, что его сочинение является самым ранним источником, где упомянут и кратко описан ногайский язык. Турецкий путешественник совершенно справедливо отмечает, что язык ногайцев хотя и похож на татарский, но тем не менее имеет свои особенности²⁹. Для примера в «Сеяхат-наме» приводится до 40 ногайских слов и коротких предложений с соответствующим турецким переводом. Кроме того, записаны две небольшие ногайские песни³⁰.

Таким образом, в сочинении Эвлия Челеби «Сеяхат-наме» можно найти много важных сведений, отображающих различные аспекты жизни ногайцев Северо-Западного Кавказа второй половины XVII в. К сожалению, в нашей историографии эти сведения использованы далеко не полностью, так как научный перевод соответствующих мест «Сеяхат-наме» еще не опубликован. А между тем сообщения Эвлия Челеби не только подтверждают, но и в значительной степени дополняют данные других источников (русских, западноевропейских, турецких и др.) о ногайцах Закубанья. Эти сведения дают ответ на многие вопросы, которые могут возникнуть у исследователя, изучающего историю ногайского народа, и в частности кавказских ногайцев.

¹ Эвлия Челеби. Сеяхат-наме. Т. 8. Стамбул, 1928, с. 8 (на тур. яз.) (далее — Сеяхат-наме).

² Сеяхат-наме. Т. 7. Стамбул, 1928, с. 708 (на тур. яз.).

³ Там же, с. 731.

⁴ Там же, с. 749.

⁵ Сеяхат-наме. Т. 8, с. 15.

⁶ Сеяхат-наме. Т. 7, с. 757.

⁷ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Пер. с англ. Ю. В. Готье. М., 1937, с. 170.

⁸ Жан де Люк. Описание переходов и ногайских татар, черкесов,

мингрелов и грузин.— «Записки Одесского общества истории и древностей». Т. 11. 1879, с. 486.

⁹ Сеяхат-наме. Т. 7, с. 709.

¹⁰ Там же, с. 710; Сеяхат-наме. Т. 8, с. 15.

¹¹ Е. П. Алексеева. Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в XVI—XVII веках. Черкесск, 1957, с. 61.

¹² Сеяхат-наме. Т. 7, с. 710.

¹³ З. А. Ловягин. Адам Олеарий. Кн. 3—4. СПб., 1906, с. 403.

¹⁴ Сеяхат-наме. Т. 7, с. 710.

¹⁵ Там же, с. 709, 710.

¹⁶ Сеяхат-наме. Т. 2. Стамбул, 1897, с. 112 (на тур. яз.).

¹⁷ Там же, с. 105.

¹⁸ Сеяхат-наме. Т. 7, с. 708, 731, 758 и др.

¹⁹ Там же, с. 710.

²⁰ Там же, с. 709.

²¹ Цит. по: З. А. Ловягин. Адам Олеарий, с. 403.

²² Жан де Люк. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин, с. 486.

²³ Сеяхат-наме. Т. 7, с. 709.

²⁴ Там же, с. 732, 733.

²⁵ Там же, с. 757—759.

²⁶ Там же, с. 730.

²⁷ Там же, с. 711.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, с. 712.